

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.В. Барковская
Екатеринбург, Россия

УДК 821.161.1 ББК Ш5(2Рос=Рус)6-334

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ СРЕЗ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЫ – 2012

Аннотация: Обзор специального летнего выпуска «Русского репортера» (2-16 августа 2012) призван привлечь внимание учителей к современному литературному процессу. Характеристика тематики и типов героев опубликованных произведений дается в контексте социокультурной ситуации начала 2010-х гг. Делается вывод о доминировании адаптивного («футлярного») типа поведения героев.

Ключевые слова: современная проза, беллетристика, «человек адаптивный».

N.V. Barkovskaya
Yekaterinburg, Russia

HORIZONTAL SLICE OF RUSSIAN PROSE – 2012

Abstract: A review of the summer issue of "Russian Reporter" (August 2-16, 2012) draws attention of the teachers to the modern literary process. Characteristics of subjects and types of heroes of published works are given in the context of social and cultural situation in the early 2010s. It is concluded that the adaptive ("cased") type of characters behaviour dominates.

Keywords: modern prose, fiction, "the man adaptive."

Журнал «Русский репортер» подготовил специальный выпуск «для летнего чтения» (2–16 августа 2012). Девятнадцать историй, опубликованных в этом журнале, призваны дать горизонтальный срез текущего литературного процесса в области прозы. Горизонтальный – потому что и редактор Анна Старобинец, и Константин Мильчин (возглавляющий в этом году жюри Премии «НОС») ориентированы на беллетристику, так называемую мидл-литературу, т.е. на те книги, которые читает «народ». Роман Сенчин так выразил литературное кредо: «Писать из души, но читабельно». К. Мильчин, предваряя публикации, составляет компактный «путеводитель по темам» [Мильчин 2012: 6-11] Им выделены следующие активно разрабатываемые темы:

1. Человек в экстремальной ситуации, какими оказываются тюрьма или война; суть: «Как остаться человеком в нечеловеческих условиях».

2. Гибель империи; суть: «У нас была великая страна, а после ее развала никто не знает, кому верить, чем гордиться, что делать и как дальше жить».

3. Новый русский человек; суть: «У нас есть деньги, есть развлечения, но жизнь наша уныла, и счастья нет. Что делать дальше?»

4. Поиски золотого века; суть: «Было в истории страны время, когда все было хорошо и правильно, сейчас не так».

5. Апокалипсис сегодня; суть: «Мир будущего чудовищен, но и в нем будут как-то выживать, а пока постарайтесь просто не допустить возникновения такого мира».

6. Свой маленький мир.

7. Литература чувств.

Критик называет наиболее ярких представителей каждой «темы», оценивает перспективы даль-

нейшего продвижения «тренда». Лидируют, безусловно, первые две темы, что характеризует «невроз» российских нулевых годов. Названные темы действительно отчетливо звучат в современной литературе, хотя, например, спорно утверждение о «столицецентризме»: дескать, хороших текстов, описывающих мир за пределами центральных городов, мало, и критик даже мечтает о расселении писателей на несколько месяцев по регионам, дабы они описали, как там люди живут (ироничная чеховская аллюзия).

Какие же авторы и произведения попали в рекомендуемое «летнее чтение»? Что «читабельно»?

Среди девятнадцати авторов – Дм. Быков, И. Сахановский, М. Елизаров, Р. Сенчин, Г. Садулаев, А. Архангельский, Л. Петрушевская и др. Внимание читателей предложены история про несостоявшееся политическое убийство, реалии тюремного быта, тоскливые переживания бывшего диссидента, восток с его буддизмом, детектив из начала XX в., триллер об эпидемии гриппа в Москве, «женская проза», интеллектуальная фантастика. Несколько особняком стоит отрывок из романа для детей Марины и Сергея Дяченко, где рассказывается история кентавра, единственного оставшегося после ухода сородичей, он должен был выживать в одиночку, подобрал человеческого младенца, не смотря на строжайшее правило кентавров держаться подальше от людей... Сегмент «детской литературы для взрослых» представлен сказкой Л.С. Петрушевской «Царевна-лягушечка»: лягушка, твердо считавшая себя Царевной и ждущая Ивана-царевича, чуть не погибла в клюве цапли, но, в конце концов, она благополучно вышла замуж за лягушку же и потащила мужа на спине – как и положено в родном болоте. Идея «родного болота» зву-

чит и в рассказе Сергея Кузнецова «Форма круга»: бизнесмен, бежавший от кредиторов в Буэнос-Айрес, думает о том, как противно «сдохнуть вдали от Родины». А вот герой из пишущегося романа Дм. Быкова «Американец», бывший оппозиционер, приехав ненадолго в Москву, пытается отговорить бывших соратников от взрыва новодельного Храма Христа Спасителя – «бетонного фальшака», как-то смутно подозревая, что Бог может наказать за это. Он везде чувствует фальшь и пошлость, его раздражают бывшие друзья и родная дочь – сонная, инертная. И только в конце опубликованного отрывка герой, глядя на синее сентябрьское небо над Москвой, прикрывающее вечную тоску и серость, понимает: «...мы можем любить все это, только когда оно умирает». Впрочем, решает он, и это фальшиво, «не осталось ничего, что вызывало бы сколько-нибудь приличное чувство».

Большинство опубликованных произведений наполнены негативными переживаниями героев: маньяк не смог убить Ельцина, но убил любовницу, охранники мучаются угрызениями совести, подписав пустой протокол обыска, и теперь невиновный будет осужден, мучает психологическая травма, пережитая в детстве, героя рассказа Михаила Елизарова «Меняла» и проч. Даже преуспевающий бизнесмен из рассказа Алексея Евдокимова «Неприемный» настолько несчастен из-за собственной неуязвимости и постоянного везения, что сам себя заказал конторе, наводящей сглаз, накликающей невезение. «Хреновое состояние», «И тогда я понимаю, как попадают в сети», «Такая перспектива Бублика не обрадовала», «я знаю, что это плохо, это правда очень плохо, и я ни за что никому не призналась бы в том, что думаю об этом» – характерные концовки рассказанных историй, в том числе, и историй о любви. Даже фантастический рассказ Мари Галиной «Лианы, ягуары, женщина» кончается отнюдь не фантастически: «За его спиной – там, где висела в черном воздухе его квартира, громоздась на другие такие же квартиры сонных и несчастливых людей, – светилось окно. Потом погасло» (Галина 2012: 84). Только тетя Мотя, героиня из готовящегося к публикации романа Майи Кучерской, испытывает несказанное облегчение, бросив мужа, сбежав с ребенком из Москвы в заснеженный провинциальный городок (хотя ее и настигают телефонные послания мужа: «где вы где вы где вы где ты где напиши»).

Очевидно, такая депрессивность отражает мироощущение россиян в начале десятых годов XX в.; не случайно неявно присутствует чеховская традиция. По данным социологических опросов, на конец 2005 г. две трети россиян не чувствовали уверенности в завтрашнем дне, более половины считали, что за последние годы в России стало меньше радости и уверенности, меньше порядка, но больше страха [Дубин 2011: 234]. Вряд ли психологический климат принципиально изменился за последующие семь лет. Б.В. Дубин отмечает установку массы на адаптацию к тому, что есть. Социальная жизнь фрагментируется, люди уходят в зоны, ниши, складки, щели,

норы, живут по их правилам – так можно выжить, ничего не меняя [Дубин 2011: 376-377].

В этом отношении особенно показательны три сюжета.

Андрей Рубанов в рассказе «Реальный бродяга» повествует, как обычно, с опорой на собственный опыт, о правилах и нормах взаимоотношений людей, сидящих в одной тюремной камере. Камера не приняла карманника Зазу, который пытался вытребовать себе особые условия, при этом не сдал на общие нужды ни рубля. Рассказчик говорит: «Зазу мы сначала не воспринимали всерьез. Ты кто? Крадун? Тюрьма – твой дом? Очень хорошо, будь как дома. Иди и займись чем-нибудь» [Рубанов 2012: 21]. Вот это и страшно: тюремное сидение принимает окраску чего-то обыденного, нормального, почти естественного. Сам рассказчик занят по горло общими делами: «Отвечаю за общий груз. Девять килограммов чая, одиннадцать килограммов карамельных конфет и сто девяносто пачек сигарет. Наша камера отправляет грев на соседний корпус, старикам, они сидят всю жизнь <...> за многие годы организмы стариков переродились и не умеют принимать ничего, кроме чая, конфет и курева. Еще мы гоним грев на женское отделение – бабам с грудными детьми, «мамкам»: постельное белье, футболки, полотенца...». Тюремная община диктует свою волю начальству: так, по их требованию Зазу перевели в другую камеру. То, что рассказчик оказался в тюрьме, сам он объясняет характером 90-х годов: «Много лет страна шаталась. Грохотали и воняли мазутом войны. Аферисты с физиономия спивающихся мастурбаторов создавали грандиозные финансовые пирамиды. Бесшумные барыги в роговых очках скупали нефтяные поля и алюминиевые рудники. Президент жестко бухал. В редакциях газет гремели взрывы». Но с началом путинской эпохи, как верилось ему, развал прекратился, чтобы выжить, нужны будут не ножи и бицепсы, а знания и мозги. Десятилетие показало, что отнюдь не знания и мозги нужны в первую очередь. О жизни своего героя в новой России нулевых автор не говорит, но неоднократно показывает, как герой мог достойно существовать там, в тюремном «закрытом» обществе. При всем при том, герой – не бандит по своей сущности, вполне порядочный, волевой и способный на сострадание человек. Социальное амплуа – тюремный авторитет – подчиняет себе человеческую сущность героя. Его достоинство не в том, что он смог выстроить свою свободную жизнь, а в том, что он не потерял человеческого облика в тюрьме.

Книгу «Стыдные подвиги» А. Рубанова [Рубанов 2012: 324-347] замыкает маленькая повесть «Яшка», как бы подводя черту под всеми рассказанными в книге историями. Воробей Яшка в самом начале зимы лишился кормушки: умерла старуха, подкармливавшая птиц. Целый день Яшка, энергичный и смелый, пытался найти пропитание. Психология воробья – а заодно и человека, загнанного в тупик – передана очень тонко: и отношение к людям, и непростые взаимоотношения в воробьиной стае. Весь день прошел в тщетных поисках. И, наконец,

нашлись те, кто спас Яшку от неминуемой смерти: из окошка тюрьмы на его голодный крик арестант бросил хлебную корку. Этот арестант только что рассказывал про свой побег из заключения и про то, как он спас конвойного, увязавшегося в побег за ним. Таким образом, тюрьма оказалась единственным местом, где еще живет доброта. Разумеется, вспоминается картина Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь», с ее трогательными лицами матери и ребенка, кормящего голубей – модель общества, помещенного за тюремную решетку.

Другой сюжет, опубликованный в журнале, также демонстрирует необходимость для человека некой защитной оболочки, социального футляра, который, однако, постепено настолько срывается с душой, что подменяет ее. Это рассказ Г. Садулаева «Мой брат промоутер». Герой этого произведения работает мочалкой, т.е. он рекламирует автомойку: «А мне нравится моя работа. У меня модный костюм. Дизайнер явно слизал его с мультика *Sponge Bob Square Pants*» [Садулаев 2012: 41]. Герой рад, что ему не нужно говорить или раздавать баннеры, т.е. не нужно вступать в контакт с людьми, он просто стоит пять часов во второй половине дня и получает свои пятьсот рублей, без налогов и вычетов. У него есть подружка-студентка, рекламирующая зеленый салат. Стоя в костюме мочалки, герой повторяет в уме мантру гаятри, медитируя. Дело в том, что он – член тайной организации – «Общество братьев промоутеров», достаточно обеспеченный бизнесмен, совсем не пытающийся расширить свой бизнес – ему хватает малого, дела фирмы ведут его работники. Духовный наставник промоутеров поучает: мы надеваем на себя уродские костюмы фасоли, капусты, сосиски или мочалки, но мы отличны от этих душных и неудобных футляров. Точно так же мы надеваем на себя обличия банковских служащих, мужчин и женщин, мужей и отцов, начальников отделов, чтобы властвовать над другими. Занимаясь медитацией, братья промоутеры должны понять, что они отличны от своих социальных ролей и своих физических тел, как отличны от рекламных костюмов. Личность, «я», Пуруши – это Брахман, абсолют, дух. Однако герой попадает в сети мира сего: в момент объятия с любимой девушкой его тело срывается с костюмом мочалки. Как видим, такая тайная, внутренняя свобода духа, дистанцирование личности от своей социальной роли возможны только при условии отречения от всего «слишком человеческого».

Наконец, третий сюжет дан в отрывке «Сад» из недописанного романа Марины Степановой «Литопедион». Прекрасная дворянская усадьба, недавно купленная князем Борятинским из-за ее роскошного сада. Лето, Надежда Александровна читает про Наташу Ростову в новом романе графа Толстого. Оказалось, что к вечернему чаю не могут подать малины, и княгиня сама отправляется на поиски ягоды в сад. Малины не было (забыли обрезать ветки у кустов), зато нашлась роскошная вишня – «горячая, тяжелая и темная. Живая» [Степанова 2012: 67]. Надежда Александровна начинает жадно рвать и

есть вишни, вспотев, перепачкавшись соком. Такой ее застал муж, обеспокоенный долгим отсутствием супруги. В этом, пишет автор, сочном, через край выпирающем, почти непристойном саду она наконец-то осознала, что двадцать лет прожила с мужем просто бок о бок, словно они и вправду были не люди, а выхоленные домашние собачонки... Необычность ситуации, садовые аллеи, о которых писал Д.С. Лихачев, что их сумеречность – основная черта русского сада, из которой «рождаются и жизнь, и животность, и Бог» [Лихачев 1998: 419-421], те «темные аллеи», которые воспел И.А. Бунинным – все это провоцирует вспышку живой любовной страсти между супругами. Однако на другой день князь Борятинский снова по-светски учтив и только, между супругами нарастает холодок, Надежда Александровна тяжело заболевает. Однако со временем все возвращается в обычную колею, и позднее княгиня будет одергивать девочек, бегущих слишком быстро по саду – это неприлично для барышень.

Три выбранных сюжета продолжают старую чеховскую тему «футлярной» жизни: социальная роль (заклоченный, промоутер, светская дама) обеспечивает человеку устойчивое существование в своей «малой» группе. Как пишет Б.В. Дубин, адаптация – тактика слабых, современный россиянин есть «человек адаптивный по установке и всегда ко всему адаптирующийся по реальному поведению, человек привыкающий и привычный. Для него как будто бы ничего не изменилось и не меняется, тем не менее он постоянно недоволен. Однако при всем недовольстве он остается не самостоятельным и по преимуществу асоциальным: он защищается от окружающих, изолирован, неорганизован. Это снова заставляет его тем теснее прижиматься к власти и с тем большим раздражением на нее брюзжать» [Дубин 2011: 263] Уже первый рассказ в журнальной подборке рисует образ человека, маниакально погруженного в две страсти: ненависть к Ельцину и любовь к Тамаре, неудача с убийством Ельцина компенсируется истеричными выстрелами в Тамару. Можно сказать, что книги, которые читает народ, как нельзя лучше выражают мироощущение этого самого народа, присущий ему страх изменений: лучше вряд ли будет, лишь бы не было хуже.

ЛИТЕРАТУРА

- Галина М. Лианы, ягуары, женщина // Русский репортер. – № 30-31. – 2-16 августа 2012.
- Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. – М.: РОС-СПЭН, 2011.
- Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. 3-е изд., исправл и дополн. – М.: Согласие, 1998.
- Мильчин К. Невроз времени: Путеводитель по темам современной литературы // Русский репортер. – № 30-31. – 2-16 августа 2012.
- Рубанов А. Реальный бродяга // Русский репортер. – № 30-31. – 2-16 августа 2012.
- Рубанов А. Стыдные подвиги. – М.: Астрель, 2012.

Садулаев Г. Мой брат промоутер // Русский репортер. – № 30-31. – 2-16 августа 2012.

Степанова М. Сад // Русский репортер. – № 30-31. – 2-16 августа 2012.

Данные об авторе:

Нина Владимировна Барковская – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: n_barkovskaya@list.ru

About the author:

Nina Vladimirovna Barkovskaya is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Modern Russian Literature Department of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).